

ЯНУШЕВИЧ И. И.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПО УЧЕБНО-
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ БГУ

**ПОПЫТКИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВА-
НИЯ» АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В СОВЕТ-
СКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917-1930-Е ГГ.)**

Приход к власти в Российской империи в 1917 г. сил считавших, что ре-

лигия и церковь являются препятствием для нормального социально-политического развития страны, не был случайным. Развал государства начинается с разрушения объединяющих общество идей и институтов. Именно таким объединяющим фактором для восточных славян стало православие. Формирующееся на основе христианских традиций государство стало привлекательным и для народов исповедующих другие религии. Православная церковь выступила оплотом державности, как источника обеспечения наиболее благоприятных условий для проживания местного населения. Это по достоинству оценили и внешние силы, стремящиеся определять здесь внутреннюю политику. Для разрушения российского государства была избрана идеология однозначно враждебно относящаяся к религии и церкви. Навязанные социал-демократическому движению в России лидеры были запрограммированы на уничтожение духовно-нравственных, культурных и государственных традиций народов империи.

Государство и Русская православная церковь (РПЦ) практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. Но была и другая сторона деятельности Церкви. Она должна была выполнять навязываемые функции идеологического надзирателя, рупора царизма. В целом рационализм государственно-церковных отношений столетиями давал положительный для общества результат. Народ черпал в православии силы для преодоления всех бурь и несчастий, проносящихся над Отечеством. Однако петровские синодально-консисторские пути, не позволявшие Церкви выполнять свою главную функцию – духовное служение – во многом и привели к расцерковлению общества, падению нравственности, распространению радикальных политических и религиозных идей. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а в замен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [1, с. 26]. Все это в свою очередь привело к событиям 1917 г. и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России. Социально-политические преобразования в кардинальным способом изменили систему государственно-церковных отношений. К власти пришло атеистическое правительство, объявившее беспощадную войну религии и церкви.

Для удержания власти большевикам необходимо было сформировать систему мер по минимизации военно-стратегических, экономических и пропагандистских возможностей своих оппонентов, количество которых значительно превышало число сторонников. Массовые репрессии и отъем собственности дополнялись активной агитационно-пропагандистской работой. Именно навыки и достижения в которой и стали во многом залогом успеха октябрьского переворота в Петрограде. Умение убежденно говорить о том что хотели слушать люди в условиях оппозиционной деятельности качественно отличались от того чего ожидали от властимущих. Привычка проводить подмену понятий и постоянный поиск причин для критики оппонентов привели большевиков-антирелигиозников к мысли о том, что дискредитация религии и церкви является самым эффективным и безопасным способом борьбы с ними. Для осуществления и оправдания антирелигиозной политики в стране с незначительным количеством существующих и потенциальных атеистов необходимо было подвести обоснование. Принято

считать, что идеологической основой стал материализм или как потом было названа его высшая форма – «научный атеизм». Практика показала, что при непосредственном продвижении безбожья в массы требовалось нечто более понятное и доступное потенциальным объектам «переделки на атеистические рельсы».

Задача перед исполнителями стояла чрезвычайно сложная. Несмотря на нигилизм, увлечение окультно-мистическими практиками и радикальными политическими идеями российское общество оставалось весьма религиозным. РПЦ являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на право влияния на мировоззрение населения. В самом деле наблюдался процесс «противоборства господствующей (коммунистической) псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [2, с. 217]. Главной задачей антирелигиозников стало привлечение в ряды материалистически настроенных граждан как можно большего количества верующих и в первую очередь из числа православных христиан. Первейшую роль в этом процессе должно было сыграть естествознание «проникнутое идеями воинствующего атеизма». В эффективности подобной деятельности в российской действительности сомневались многие, однако публично высказаться мог позволить себе только И. Сталин: «Иногда некоторые товарищи рассматривают крестьян, как философов-материалистов, полагая, что стоит прочесть лекцию о естествознании, чтобы убедить мужика в несуществовании бога» [3, с. 310].

Выдвигая естествознание на передовую безбожной работы большевики блефовали. И иной формы как ложь и / или полуправда у антирелигиозников не было. Необходимо было публично уличить во лжи своих оппонентов. Формально, что и было сделано, язык символов того же христианского учения подвергнуть «сокрушительной» разоблачительной критике было не сложно [4]. Другой вопрос как заставить человека, владеющего этим языком на сознательном или подсознательном уровне не только усомниться в том же священном писании, но и разрушить свои сакральные отношения с Богом. И если в современном мире любой коммунист-атеист начинает понимать, что коммунизм это явление более иллюзорное чем сверхъестественные силы, то в 1920-19230-е гг. необходимо было доказать обратное. Антирелигиозникам предстояло было убедить и многих своих коллег, и население в неминуемом успехе безбожия, в возможности реализации предполагаемого плана борьбы с религией и церковью в ближайшей перспективе.

Травля началась уже в 1917 г. Антирелигиозникам предстояло показать религию и церковь в таком виде, что бы верующие от нее незамедлительно отвернулись и отказались. Несмотря на все заверения и заявления о «необходимости избегать оскорбления чувств верующих», об «осторожном отношении к религиозным предрассудкам» параллельно с официальными заявлениями шел процесс навязывания обществу мысли о контрпродуктивности наличия подобных институтов. Большевикам предстояло показать отрицательную роль религии и церкви во всех сферах жизни, как простого советского гражданина, так и социалистического государства, да и человечества в целом. Церкви и религии предстояло стать в представлении людей главным препятствием к нормальному существованию, а носителям религиозных верований как отщепенцы сознательно губящие не только свою жизнь, но и близких людей. В семейно-бытовом плане религия должна была ассоциироваться с запретом на медицинское обслуживание, со сдерживающим фактором распространения агрономических знаний [5, с. 11-18]. Наука и образование выставлялись как антиподы религиозным веро-

ваниям [6, л. 240-245]. Религиозные праздники обозначались как вредительство народно-хозяйственной деятельности и в первую очередь бюджету отдельно взятой семьи [7, л. 158-160]. Предстояло обвинить священнослужителей в алчности, в сопротивлении построения нового светлого будущего [8, л. 108-109].

Реализация подобных установок проводилась как в рамках мощных разовых атак, так и в виде планомерного наступления всего государственного и партийного механизма. Большие надежды антирелигиозники и лично В.И. Ленин связывали с варварским «вскрытием» мощей святых праведников. Кампания была нацелена на «раскрытие векового обмана попов». Отсутствие хорошо сохранившегося мумифицированного тела должно было продемонстрировать верующим несостоятельность культа почитания мощей и оттолкнуть их от религии. На самом деле подобные демонстрации «уловок по одурманиванию» на абсолютное большинство не произвели ожидаемого большевиками эффекта. Более того, проводимые в жестокой форме мероприятия вызывали массовое сопротивление населения. Верующие не беспочвенно предполагали о замене мощей либо комиссией для демонстрации обмана, либо монахами и священнослужителями для предотвращения осквернения. В 1922 г. были вскрыты мощи преподобной Евфросинии Полоцкой [9, л. 115].

На трансляцию потока обвинений религии и церкви государство направляло громадные средства. Создавались профильные комиссии со значительным аппаратом. Целые издательства занимались исключительно антирелигиозной тематикой, при этом ответить этой безбожной рати официально было невозможно. Большевики прекрасно понимали свою неконкурентоспособность в противостоянии даже апологетической литературе, решающей, как и антирелигиозники, задачу борьбы с религиозными предрассудками. Священник В.А. Юневич по этому поводу писал в 1926 г. в письме В.И. Сталину: «Дайте 150-миллионному великому верующему народу то, что дается последнему уголовному арестанту: дайте нам право оправдательного слова... Ибо даже во времена мрачного средневековья это слово давалось обвиняемым» [10, л. 2]. Подобные действия со стороны большевиков были абсолютно оправданы. Любой образованный или опытный священник мог своими разъяснениями свети на нет большинство «разоблачений поповского обмана», разрушив плоды многолетнего труда тысяч борцов с религией.

Главной проблемой антирелигиозников явилось непонимание, преднамеренное или нет, различия между борьбой с религиозностью и воцерковленностью. Даже скомпрометировав попа, ксендза, раввина, пастора, муллу, не было оснований ожидать, что это оттолкнет прихожанина от культа. Отыскав кажущиеся для неверующего нестыковки в священных книгах нельзя было надеяться на отказ от вероучения. И наконец, добившись от верующего человека сомнения в правильности, святости, сакральности исповедуемой им религии антирелигиозники не имели действенных способов убеждения в отсутствии сверхъестественных сил. Каких то универсальных методик и не существовало. Естественнаучное объяснение сил природы, исторических корней религии не могли стать залогом материалистического перевоспитания. На большое количество острых вопросов ответов дано не было. Семья, традиции, уклад жизни, ближайшее окружение являлись определяющими факторами в мировоззренческом поиске. Атеистическая стерильность или абсолютная безрелигиозность общества это предположение теоретиков и пороноя авантюристов безбожников. И все же антирелигиозная пропаганда, выдвигаемые ею идеи о лживости, контрреволюционности, меркан-

тельности, вредности социалистическому строительству религии и Церкви. Дела в указанном направлении достаточно много. В целом информационная битва большевиками была выиграна. Верующие допустили надругание над своими храмами, святынями, пастырями и своей религией. Православная церковь, имевшая 1 января 1915 г. 212 256 клириков и монахов с 54 692 храмами и 1025 монастырями как организационная структура была уничтожена [11, л. 3]. Расколы, ереси, вольная трактовка канонов и многочисленные «инновации» в культовой практике были ужасающей реальностью. Безбожие, разцерковление стали пуском в процентном отношении и не большим, но уже массовым явлением способным в дальнейшем оттянуть в свои ряды десятки миллионов граждан.

Таким образом, проведенное исследование показало, что одной из форм распространения атеистического мировоззрения стране советов была компрометация религии и Церкви. У верующих и священнослужителей не было права не только публично вести дискуссию с безбожниками, но и хоть каким-то образом реагировать на обвинения в свой адрес. Откровенная ложь, подмена понятий, вульгарная трактовка священного писания, осмеяние таинств и традиций являлось нормой. Пусть и не в ожидаемых большевиками темпах, но это способствовало отходу верующих от Церкви. Атеистами в 1920–1930-е гг. становились не многие, на лоно православия без пастырского участия было уже не для них. Не религиозные верования, священники и прихожане были виновны в том, что у них такое вероучение и такая культовая практика, а государство в том, что, не правильно определив угрозы национальной безопасности, выдвинули верующих в свои оппоненты. Никаких оснований полагать что удастся обосновать, доказать опасность для человека всего того что для него совсем недавно было мировоззренческим ориентиром, залогом нормального существования и естественным состоянием у большевиков не было.

Литература:

1. Кривонос, Ф. *Белорусская Православная Церковь в XX столетии* / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
2. Логинов, А.В. *Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности* // А.В. Логинов. – М.: БРЭ, 2005. – 238 с.
3. Сталин, И.В. *Собрание сочинений. / Об очередных задачах партии в деревне* // И.В. Сталин. – М.: Политиздат, 1949. – Т. 6 – с. 302–312.
4. Ярославский, Е.М. *Библия для верующих и неверующих* / Ем. Ярославский. – Ленинград: Лениздат, 1975. – 398 с.
5. Лукачевский, А. *Безбожники стройте колхозы* / А. Лукачевский. – М.: Безбожник, 1930. – 13 с.
6. *Национальный архив Республики Беларусь.* – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6204.
7. *Российский государственный архив социально политической истории.* – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
8. *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).* – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
9. *Зональный государственный архив в г. Полоцке.* – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 91.
10. *ГА РФ.* – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
11. *ГА РФ.* – Фонд 5263. – Оп. 1. – Д. 32.